

КРИСТИАН ГОТТХИЛЬФ
ЗАЛЬЦМАНН

КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ
*
КНИЖКА ДЛЯ МУРАВЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАЙХЛЬ

Кристиан Зальцманн

**Книжка для раков. Книжка
для муравьев (сборник)**

«Отто Райхль»

Зальцманн К. Г.

Книжка для раков. Книжка для муравьев (сборник) /
К. Г. Зальцманн — «Отто Райхль»,

Причину всех недостатков пороков своих детей родители должны искать в самих себе. Таков символ веры, фундамент, на котором Зальцманн выстраивал свою педагогику как результат многолетнего наблюдения за своими собственными детьми и воспитанниками. Приведенные здесь, в «Книжке для раков», наглядные примеры «неразумного воспитания» помогают нам осознать наше собственное поведение в отношениях с другими людьми и значительно продвигают нас, а следовательно, и наших детей по пути к совершенству. Ведь дети судят о нас не столько по нашим словам, сколько по нашим делам и поступкам. Стало быть, если мы хотим видеть наших детей здоровыми, веселыми, внимательными и добродушными, то вначале должны позаботиться о том, чтобы самим стать живым образцом этих качеств – в противном случае все ваши слова и увещания окажутся напрасным трудом.

© Зальцманн К. Г.

© Отто Райхль

Содержание

Введение	7
КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ	17
Предисловие	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Bollinger sc.

CHRISTOF GOTTHILF SALZMANN.

Кристиан Готтхильф Зальцманн

Книжка для раков. Книжка для муравьев

© Маггиас Дрегер, издательство «Райхль», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Кристиан Готтхильф Зальцманн появился на свет 1 июня 1744 года в тюрингском городке Зёммерда близ Эрфурта. Его мать, Рахель Маргарета Сибилле, была дочерью местного аптекаря, отец, Иоганн Кристиан Зальцманн, – дьяконом и впоследствии пастором в Зёммерде. «Помоги, Боже! [Gott hilf]» – таким было первое желание, высказанное отцом, опасавшимся за жизнь ребенка, и поэтому на следующий день при крещении мальчик получил имя Кристиан Готтхильф.

Таким образом, свое детство Зальцманн провел в духовной атмосфере дома лютеранского пастора. Благодаря матери смысленный мальчик уже в пять лет научился читать и писать; после школьных занятий отец обучал его дома еще и латыни, так что чуть позже по просьбе одного несведущего в этом предмете учителя он мог исправлять работы его учеников.

В 1759 году отца Зальцманна приглашают в Эрфурт в качестве дьякона; поэтому юный Зальцманн не оканчивает школу, а готовится к университету дома благодаря частным урокам, прежде всего по древним языкам.

В семнадцать лет он становится студентом близлежащего университета Йены, избрав для изучения теологию. Он держится вдалеке от обычных, зачастую грубых студенческих проделок своих товарищей по учебе и ведет скромную, трудолюбивую жизнь. В это время он занимается наблюдениями за природой, чему прежде всего способствовали прогулки в прелестный и очаровательный Рауталь в окрестностях Коспеды. Природа ведь о многом говорит, а все, что порождается ею, играло важную роль в учебно-воспитательном процессе в заведении Шнепфенталь, которое он возглавил позднее. Формируется основа мировосприятия будущего талантливого воспитателя – он учится по малому судить о великом, видеть в природе труд Творца. Эта тяга к природе, к исконному, практическому, полезному, впоследствии становится главным элементом в воспитательной работе Зальцманна. Уже в его раннем труде «О самых действенных средствах привить детям религию» красной нитью проходит эта черта: в полную противоположность моде своего времени, Зальцманн хочет, отталкиваясь от простого, подвести ребенка к высшему, прежде чем ознакомить с учением о триединстве и догматами Кристианства, сперва привить детям доброту, понимание ценности хороших поступков и связанную с ними радость, чтобы затем выстраивать на этом все остальное. Благодаря погружению в природу в часы уединения в Раутале с Зальцманном происходит радикальная перемена, которую он впоследствии назовет своим «духовным обновлением».

После экзамена по теологии в Эрфурте в 1768 году Зальцманн получает скромное место пастора в Рорборне под Эрфуртом и четыре года трудится там в качестве проповедника и пастыря своей деревенской общины. В Рорборне у своих братьев он познакомился с Софией Шнелль, 14-летней, но для своего возраста уже очень зрелой дочерью священнослужителя в замке Виппах. 15 мая 1770 года состоялась свадьба счастливой пары; за годы их брака София должна была подарить своему супругу не меньше пятнадцати детей.

Уже вскоре после свадьбы для молодой семьи наступают тяжелые времена в Рорборне, где сперва через несколько недель после рождения умирает их первенец, а затем родители Софии, оставившие после себя двух осиротевших дочерей в возрасте семи и двенадцати лет, которых Зальцманн и его жена берут к себе. Из-за этого их финансовое положение становится еще напряженней, а потому предложение занять место дьякона в Эрфурте с дотацией в 30 талеров, которое Зальцманн принимает по совету и просьбе своей супруги, пришлось очень кстати.

Тогдашние условия жизни в Эрфурте едва ли можно себе представить; Боссе и Мейер рассказывают об этом в «Жизни Зальцманна»: «Город был страшно измотан Семилетней войной. Нескончаемые прохождения войск, расквартирования и контрибуции всех ведущих войну

сторон нанесли тяжелый ущерб благосостоянию жителей. К этому надо добавить неурожай, голод и эпидемию 1771–1772 годов, охватившую всю Тюрингию. Многие люди были унесены болотной лихорадкой и оспой, выжившие владели жалкое существование, страшная нужда толкала на многочисленные преступления, нравы дичали. В самом городе смертность была вдвое больше, чем в прошлые годы; одних только священников от коварной болезни умерло семь человек, заразившихся при исполнении своих обязанностей. Вскоре один за другим умерли и оба пастора в церкви Андреаса, а потому Зальцманна, в третье воскресенье после Пасхи прочитавшего свою первую проповедь в качестве дьякона, уже в день Вознесения сделали пастором церкви Андреаса»¹.

Смена деревенской идиллии Рорборна, четыре года которой Зальцманн причислил к «самому счастливому времени своей жизни», на Эрфурт должна была означать для Зальцманна немалую жертву, тем более что еще в Рорборне он вынашивал планы создать в деревне собственное учебно-воспитательное заведение. Вместо этого, будучи пастором и духовником, он сталкивается в Эрфурте со всей тяжестью человеческих бед. Лишения этого времени производят на Зальцманна тяжкое впечатление, его приемный сын Аусфельд пишет об условиях жизни в Эрфурте: «Профессия часто приводила его в обители горя, в хижины бедняков, в покои больных, в исправительные дома, тюрьмы (иногда в глухие, сырые лачуги, затерявшиеся под рыбным базаром, в которые через маленькие железные решетки вместе с грязью улиц разве что иногда попадал и луч света) и дома для сирот. Сколько несчастных предстало перед его взором, как часто сердцем его, полным любви к людям, овладевало сострадание, искреннейшее участие к бедам этих несчастных!»

Именно здесь Зальцманн становится пламенным поборником лучшей жизни. Нищета, с которой он сталкивается в Эрфурте, находит свое детальное литературное выражение в шеститомном романе «Карл фон Карлсберг, или о человеческой нищете», в котором Зальцманн не только разоблачает недостатки того времени, но и показывает пути, какими можно их устранить.

Аусфельд сообщает об этом времени следующее: «Очень скоро он осознал, что главные источники бед, от которых страдает так много людей, надо искать в них самих; что невежество, суеверие, неверие, лень, корыстолюбие, безрассудность и другие пороки влекут за собой уйму бед. Размышления навели его на два главных средства: 1) людям нужно открыть глаза на источники нищеты, от которой изнемогают они и их братья, и им нужно привить убеждение, что только от них зависит, избавятся они или нет от множества бед; и 2) детей надо воспитывать лучше, обучать целесообразней, чем прежде».

В Эрфурте в семье Зальцманна рождаются пять детей. Зальцманн как отец внимательно наблюдает за их задатками и наклонностями. «Свой педагогический опыт, – часто говорил он впоследствии, – я накопил в кругу моих детей».

Его дети получают простую, но здоровую пищу, преимущественно из собственного сада, носят простую одежду, у них мало игрушек, зато они проводят больше времени вне стен дома, на лоне природы, прежде всего в домашнем садике, где отец – который сам сажает деревья, выращивает овощи и растит цветы – может оберегать их от улицы и регулярно занимать занятиями, которые им приходится по душе. Да и «приятные вечерние развлечения, которые он устраивает для того, чтобы улучшить настроение себе самому и наставлять малышей, во многом способствуют счастью уютного семейного круга»² (Аусфельд).

¹ «Chr. Gotth. Salzmanns Schriften», Reihe Pädagogischer Klassiker, Pichlers Witwe & Sohn, Wien 1886; переиздано в «Salzmanns pädagogische Schriften II», Reichl Verlag, ca. 2008.

² «Развлечения для детей и их друзей» (8 томов, Крусиус, Лейпциг, 1778–1787) стали первым писательским трудом Зальцманна.

Благодаря своей мягкости, своей терпимости, своему общему благотворному влиянию Зальцманн приобрел большой авторитет, а также многих друзей и почитателей, причем не только в Эрфурте.

Смелой публикацией труда «О самых действенных средствах прививать детям основы веры»³, который радикально порывает с прежней практикой по большей части бездумного заучивания наизусть и делает акцент на формировании у детей правильного образа мыслей, Зальцманн навлек на себя гнев ортодоксальных эрфуртских священнослужителей, тем более что, будучи лютеранином, он продолжал по-дружески общаться с католическими священниками и монахами. Некий проповедник главной эрфуртской церкви предложил даже заклеить «опасные новшества» с кафедры, что, правда, имело противоположный эффект – этот труд стал известен более широким кругам и только увеличил аудиторию Зальцманна.

В 1780 году Зальцмана пригласили на работу в учебно-воспитательном заведении «Филантропин» в Дессау, основанном в 1774 году Базедовым.

В свое время «Филантропин» был самым знаменитым учреждением такого рода. Зальцманн работал здесь с 1781 по 1784 год учителем религии и богословом. При поступлении он получает звание профессора и 400 талеров жалованья. Хотя Зальцманн нашел в «Филантропине» в Дессау многое из того, к чему он стремился и что было частью его собственных планов и размышлений, кое-что в этом институте его представлениям все же не соответствовало. Позднее Зальцманн пишет (в работе «Еще кое-что о воспитании...», 1784) о своем отношении к «Филантропину»: «Эта связь с институтом в Дессау была для меня необычайно важной. Я пришел на место, где самостоятельно мыслящие воспитатели уже несколько лет работали и продолжали работать, имея почти неограниченную свободу, и благодаря этому получил возможность судить, что в искусстве воспитания осуществимо, а что – нет, почему этот план удался, а другой потерпел неудачу, почему данное учреждение добилось столь многого, а по какой причине не добилось большего. Поэтому я всю жизнь буду себя считать должником сего замечательного учреждения и никогда не забуду, что все, что мне еще предстоит сделать на этом свете, не состоялось бы, если бы руководители этого учреждения не пригласили меня к себе и не позволили мне наблюдать за их работой и в ней участвовать».

Но чем больше я понимал суть этого учебно-воспитательного заведения, тем больше убеждался, что план, который лежал здесь в основе, хотя и был очень хорошим, но не тем, что я тогда вынашивал. Мне не оставалось ничего другого, как выбрать один из четырех путей, и я долго не мог решить, какой именно. Или постараться постепенно включить мои идеи в уже существующий план, или употребить мою энергию на то, чтобы этот план опровергнуть, и предложить свой, или покинуть институт и найти себе место, где я мог бы реализовать свои идеи, или отказаться от моего плана и работать строго по существующему».

Вскоре Зальцманн решил покинуть Дессау, чтобы в сельской местности осуществить свои давно вынашиваемые планы по созданию собственного воспитательного учреждения.

Осуществить этот замысел Зальцманну помогли прежде всего три человека: Рудольф Захариас Беккер, издававший для «Филантропина» «Дессаускую газету для молодежи и их друзей», герцог Эрнст II Готский и Альтенбургский, а также садовник при дворе в Готе Хр. Г. Вемейер. Еще в конце 1782 года Зальцманн посвятил Беккера в свои планы создания собственного института, и тот свел его с герцогом. Герцог, образец правителя, «отец соотечественникам, воодушевленный важностью своей миссии, преисполненный чувством долга, беспрестанно что-либо делавший во благо своей страны» (Боссе), благосклонно отнесся к планам Зальцманна, более того, предложил Зальцманну одну из своих усадеб для запланированного института! Но Зальцманн хотел создать нечто самостоятельное, полностью независимое, и герцог Эрнст II поддержал покупку имения Шнепфенталь, которое по поручению Зальцманна

³ Крусиус, Лейпциг 1780; переиздано в «Педагогических сочинениях Зальцманна II», 2008.

разыскал и за 8000 мейсенских гульденов (в пересчете – 7000 имперских талеров, из них 4000 талеров – дар герцога) приобрел Вемейер.

Великодушие, с которым герцог Эрнст с самого начала поддерживал предприятие Зальцманна, и наделение Шнепфентале важными преимуществами и привилегиями позволили Зальцманну сравнительно легко разорвать связь с Дессау, хотя поначалу он очень болезненно переживал разлуку со своими тамошними воспитанниками. И еще до того как Зальцманн подал прошение об увольнении из «Филантропина», чтобы обеспечить себе и своей семье безбедное существование в будущем, он заключил с издателем Крусиусом из Лейпцига договор, по которому тот обещал каждый год выплачивать определенную сумму денег, а Зальцманн взамен – создавать определенные писательские труды.

29 февраля 1784 года семья Зальцманна покинула Дессау, и небольшая группа путешественников, состоявшая из родителей, тети Евы, шести детей, маленького Аусфельда и верной служанки, 7 марта появилась в Шнепфентале.

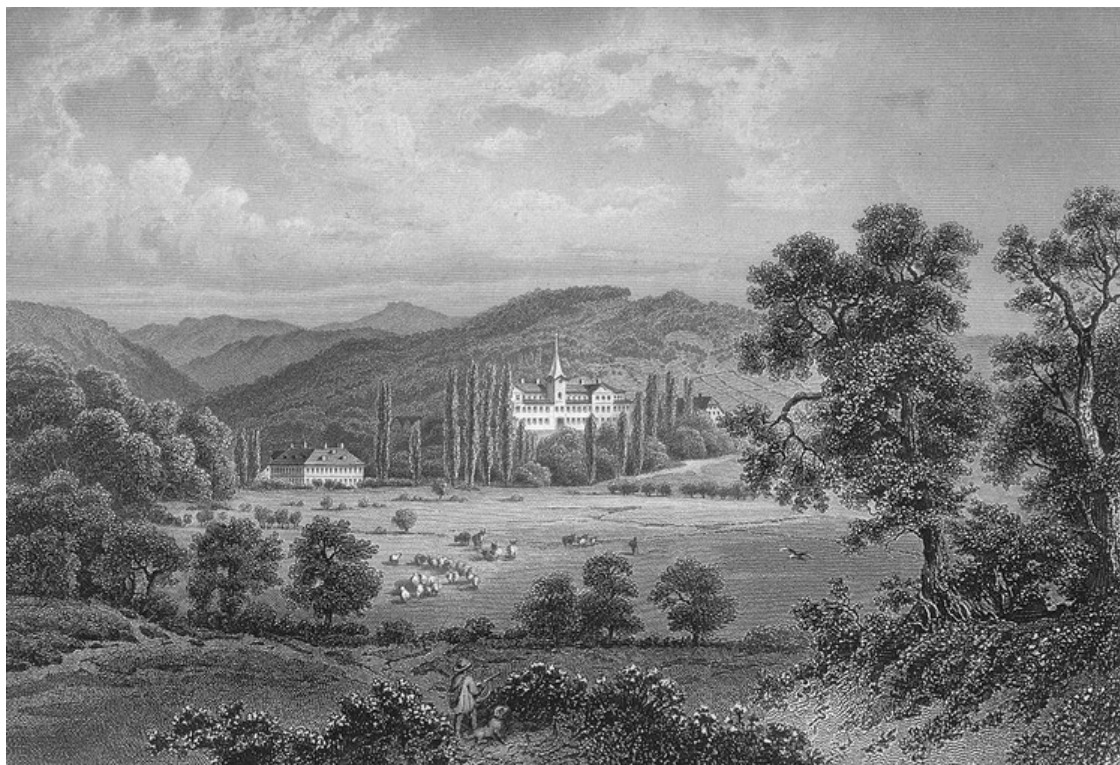
Мы вышли бы за рамки этого предисловия, если бы детальней остановились на создании института воспитания в Шнепфентале и его разнообразных учреждений. Но некоторые особенности стоит упомянуть: Зальцманн придавал большое значение ориентированному на природу физическому воспитанию и развитию своих питомцев; укрепление тела и обучение лучшему владению им включало в себя даже относительно напряженный физический труд.

Время подъема зависело от времени года. Зимой ученики вставали в шесть часов, весной и осенью – в пять, летом воспитанники обычно поднимались уже в четыре часа, затем с пяти до шести часов «работали лопатой», то есть занимались земляными работами – с помощью лопаты и тачки заменяли каменистую почву плодородной садовой землей и разбивали грядки. Таким же образом насыпался грунт и перед домами воспитанников – так появились пригодные для садоводства участки земли.

Десятиминутные перерывы между лекциями, начинавшимися в семь часов, проводились на открытом воздухе. После лекций в течение часа можно было переработать и усвоить изученное.

Физическое закаливание вообще и движение в частности играют важную роль в системе воспитания в Шнепфентале. Зальцманн (1808) сообщает, что движению – прежде всего в виде гимнастики (с 11 до 12 часов дня) и прогулок, игр или даже верховой езды ежедневно уделялось три часа. Более того, Шнепфенталь можно рассматривать как колыбель гимнастических занятий в Германии: в 1785 году Зальцманн решил безвозмездно взять к себе на воспитание обоих детей фрау Риттер, молодой вдовы из Кведлинбурга, потерявшей своего мужа-врача. Карл и Иоганн присоединились к его сыну Фридриху и юному Аусфельду. Одновременно он принял на работу учителем в Шнепфентале их прежнего гувернера, Иоганна Христофа Фридриха Гутсмута. По прибытии в Шнепфенталь Гутсмут⁴ застал там лишь одну-единственную «площадку для гимнастических упражнений, наполовину свободную, наполовину устланную книгами», которую после собственных упражнений, раздумий и изучения гимнастики древности он постепенно оборудовал особыми гимнастическими снарядами и приспособлениями, и в дальнейшем эта площадка приобрела значение образцово-показательного примера для многочисленных посетителей Шнепфентале.

⁴ См. «Общую немецкую биографию», где, кстати, Гутсмута называют «отцом немецкой гимнастики». Работа Гутсмута, опубликованная в 1793 году, «Гимнастика для молодежи» является первым систематизированным учебником по гимнастике. В появившемся три года спустя сочинении Гутсмута «Игры и упражнения для отдыха тела и души для молодежи» вообще впервые описываются правила бейсбола.

Учебно-воспитательное заведение Зальцманна в Шнепфентале, гравюра, 1810 г.

Карл Риттер, до 1796 года воспитывавшийся в Ш., начиная с 1817 года опубликовал 21-томный труд «География в отношении к природе и истории человека»; наряду с Гумбольдтом Риттер считается основателем научной географии.

Затем к работе в институте удалось привлечь выдающегося филолога Кристиана Людвига Ленца, до этого преподававшего в дессауском «Филантропине». Ленц, который, как и потом другие воспитатели в Шнепфентале, в 1788 году женился на одной из дочерей Зальцманна, вызвался наряду с английским и греческим языками обучать также и плаванию, и, таким образом, с лета 1790 года в качестве учебной дисциплины в Шнепфентале было введено плавание. Кроме того, при воспитании своих десяти детей семья Ленца придавала большое значение осторожному приучению своих детей к свету, воздуху и воде; поэтому их дети были абсолютно здоровы. В 1793 году Ленц описал физическое воспитание своей дочери Туснельды Гертруды, его необычайно интересное сообщение напечатано в приложении в оригинале⁵.

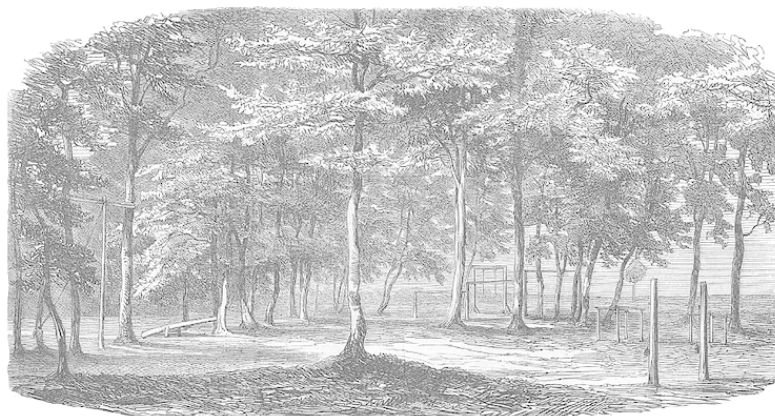
Подробнее о здоровом образе жизни своих питомцев Зальцманн высказывается в работе «Еще кое-что о воспитании...»: «Кроме того, многие болезни я надеюсь предотвратить образом жизни, который мы ведем. Одну часть своего времени мы проводим сидя, другую – в движении. Помимо того что нами выделено время на игры, у нас имеется масса дел, которыми можно заниматься не иначе как на открытом воздухе. У каждого из нас есть свой садик, который, однако, надо обязательно обрабатывать, чтобы получать от него удовольствие и иметь пользу. У нас есть свои пруды, один из которых несколько отдален; но за ними нужно постоянно приглядывать, чтобы наши карпы и форели однажды вдруг не исчезли. Тут и там, зачастую на отдалении многих миль, имеется также нечто особенное, мы должны отправиться туда в путешествие, если хотим это увидеть. Далее, как я потом покажу, мы планируем иметь свою

⁵ Archiv für Erziehungskunde für Deutschland, Drittes Bandchen, bei Friedrich Severin, Weisenfels und Leipzig 1793.

аптеку и свой естественноисторический музей, для чего должны повсюду собирать материал. В подобных делах мы не можем действовать с оглядкой на непогоду, а должны принимать ее такой, какой дарует ее милостивый Господь.

Не страшно, что у моих воспитанников, которых я *постепенно* приучил к своему образу жизни, под проливным дождем насквозь промокнет одежда. Меня это будет столь же мало тревожить, как погружение под воду моих уток».

А в перепечатанной здесь «Книжке для муравьев» (раздел «Что должен выучить воспитатель?») Зальцманн советует: «Итак, дорогие друзья! Если вы не только зоветесь воспитателями, но и действительно хотите ими быть, закаливайте свое тело! (...) Каждый день выходите на свежий воздух, не взглянув сперва через оконное стекло, какая погода на улице».

Гимнастический городок в учебно-воспитательном заведении в Шнепфентале (начало XIX столетия), первый подобного рода в Германии.

Но здоровый образ жизни, само собой разумеется, мог быть лишь фундаментом для воспитания питомцев в Шнепфентале.

При воспитании личности в центре внимания стояло использование собственных сил и их развитие. Поэтому Зальцманн придавал такое большое значение самостоятельному изготовлению сперва игрушек, а затем всяческих «полезных приспособлений и инструментов».

В этом стремлении с 1792 года Зальцманна поддерживал филолог Бернхард Генрих Блаше⁶. Блаше считается одним из пионеров уроков ручного труда в школе как формы «физических упражнений для развития здоровья, а также метода надлежащим образом побуждать к очень полезному чередованию умственной и физической деятельности».

В превосходной краткой биографии Зальцманна радио Средней Германии в общих чертах характеризует значение его института в то время: «В 1790 году “Филантропин” приютил у себя 29 учеников, десять лет спустя их число уже удвоилось. На рубеже нового столетия Шнепфенталь стал именем нарицательным среди просветителей и педагогов во всей Европе. Ученые из Амстердама и Арагона, бургомистр Роттердама, Клопшток, Виланд, Жан Поль, Гёте и Фихте – все они хотели получить собственное представление о новом методе воспитания, разработанном Зальцманном. Ученики приезжали из всех земель, да и дворянство отдавало должное шнепфентальскому учреждению при воспитании собственного потомства.

⁶ Блаше опубликовал множество сочинений, посвященных развитию сноровки у молодых людей, начиная с работы «Картонажный работник, или руководство по работе с картоном: предназначается преимущественно воспитателям»; Шнепфенталь, Книжный магазин учебно-воспитательного учреждения, 1797.

Чем же объясняется безграничная и стойкая привлекательность шнепфентальского «Филантропина»? Зальцманн организовал обучение, движимый уважением к ребенку и его правам и руководствуясь желанием еще при жизни избавить человека от его бед. Формирование религиозного образа мыслей, моральное совершенствование, воспитание характера и тренировка ума точно так же обязательно входили в него, как и знакомство с родной страной и с природой, как гимнастические упражнения и ручная работа в школьных мастерских или в саду. В будние дни обучение регулярно проводилось как в школьном здании, так и на природе; устраивались торжества и праздники. Шнепфентальцы были школьной семьей. Путешествия и прогулки тоже стали средством обучения детей; передвигаясь пешком или на фургоне, Зальцманн попутно не просто передавал знания, а добивался того, чтобы они стали для детей чувственным опытом.

До конца жизни Зальцманн лично заботился о ежедневном утреннем и воскресном богослужении в молитвенном зале Шнепфентале. Хотя он мог проводить «частное богослужение» с литургией, полной свободы готская высшая консистория ему все же не предоставила – в проведении крещения, венчания, отпевания, конфирмации и т. п. пастору Зальцманну было отказано. Это еще больше укрепляло его в мысли отвергать церковь, которая не хотела служить человеку, а стремилась лишь к авторитарной правоте и не ведала каких-либо сомнений. Логичным образом в своей последней крупной работе «Книжка для муравьев, или наставление по разумному воспитанию воспитателей» (1806) Зальцманн выдвинул способность к самокритике в качестве одного из главных требований к учителям. В «самой благородной из всех профессий» настоящий авторитет может завоевать только тот, кто, видя ошибки своих воспитанников, сперва ищет причину плохого результата в себе самом»⁷.

Зальцманн умер 31 октября 1811 года, его жена София, на протяжении сорока лет бывшая ему верной спутницей жизни, скончалась еще раньше – 15 декабря 1810 года.

Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале Зальцманна – единственное учреждение филантропов, сохранившееся до наших дней. После смерти Зальцманна институт возглавлял его сын Карл, а с 1840 года до недавнего времени – потомки дружившей с Зальцманном семьи Аусфельдов.

Школа Зальцманна в Шнепфентале, национализированная в 1935 году, а с 1991 года – гимназия, с 2001 года прежде всего специализируется в языках, и каждый год в ней учатся более 700 учеников⁸.

Кристиан Готтхильф Зальцманн был не только одаренным воспитателем, но и столь же одаренным писателем. Он обладал удивительной наблюдательностью, талантом облекать свои знания в слова так, что их легко могли также понять все те, кто имеет дело с детьми.

Пожалуй, самые важные и вместе с тем самые известные произведения Зальцманна – появившаяся еще в 1780 году «Книжка для раков» и напечатанная в 1806 году «Книжка для муравьев». «Книжка для раков» уже при жизни Зальцманна была переведена на датский (1783), голландский (1791) и шведский (1794) языки; затем последовали издания на старочешском (1824), русском (1831), венгерском (1832), румынском (1848), украинском (1900), латышском (1902), японском (1904) и финском (1926). В немецком языковом пространстве «Книжка для раков» постоянно переиздавалась, библиография Зальцманна, принадлежащая потомку Аусфельда Вольфгангу Пфауху⁹, с 1780 года напечатано свыше 40 изданий.

⁷ www.mdr.de/geschichte/pesonen/138959.html

⁸ www.salzmannschule.de

⁹ Wolfgang Pfauch: C. G. Salzmann-Bibliographie. Unter Berücksichtigung von Besitznachweisen in Bibliotheken herausgegeben von Wolfgang Pfauch und Reinhard Roder. Hermann Bohlaus Nachfolger, Weimar 1981.

Следует также упомянуть издание 1870 года, в котором ответственный редактор Карл Рихтер приводит изменения в изданиях «Книжки для раков», вышедших при жизни Зальцманна¹⁰.

Так, в предисловии к первой части «Книги об элементах морали» (Лейпциг, 1782) он пишет: «Суди и поступай, как ты хочешь, чтобы судили и поступали твои дети. Ребенок всегда больше верит твоим поступкам, чем твоим словам. Если последними ты противоречишь первым, то последним он не поверит, а будет подражать твоим поступкам. Ты можешь сколько угодно рассуждать о том, что гнев безобразен, но если по малейшему поводу ты сам приходишь в ярость и употребляешь крепкие и резкие выражения в отношении своих друзей и подчиненных, то ребенок не верит, что гнев может быть безобразен, ведь его любимый отец или его любимая мать предаются ему. Он будет вести себя не так, как ты говоришь, а так, как ты поступаешь».

Благодаря наблюдениям за многие годы я убедился, что чуть ли не всем порокам дети учатся у своих родителей, начальников и других людей, с которыми они часто общаются, и что мы уже многого достигнем, если больше не будем учить детей дурному. Эту мысль более пространно я выразил в книжице «Наставления хотя и не по разумному, но все же модному воспитанию детей». В ней в сатирическом тоне даны правила, с чего нужно начинать, если хочешь сделать детей испорченными и больными, и под каждым правилом приведены примеры родителей, следовавших этому правилу. Родители, которые серьезно намерены дать детям хорошее воспитание, могли бы по меньшей мере из этого вынести, чего им со своими детьми делать не надо».

А в первом выпуске «Посланий из Тюрингии» 1788 года (с. 605–612) Зальцманн знакомит читателей с «Книжкой для раков» в форме следующего разговора письмоносеца с трактирщиком:

Трактирщик. Ну, будет чем его позабавить?

Письмоносец. Он что-нибудь знает о «Книжке для раков»?

Трактирщик. Ни о чем таком в своей жизни не слышал. Там что, говорится о том, как воспитывать раков или как их ловить?

Письмоносец. Там нет ни слова о раках. Вообще-то, там сказано: наставление по неразумному воспитанию детей.

Трактирщик. По неразумному воспитанию? Тогда, наверное, он не будет ее читать. О разумном, быть может, он бы прочел.

Письмоносец. На! (вытаскивая книгу) Пусть все-таки почитает!

Трактирщик. Боже милостивый! Что это еще за штуку написали о неразумном воспитании! Ха, ха, ха! По-моему, люди и так уже весьма неразумно воспитывали своих детей, не получая никаких наставлений.

Письмоносец. В том-то и дело. Тот, кто написал книгу, думает, что и без того уже было написано много наставлений по разумному воспитанию и почти никто им не следовал; раз уж людям повсюду хочется воспитывать своих детей неразумно, вот он и решил рассказать, как правильно взяться за это дело. Он дает правила, как следует поступать, чтобы дети лгали, воровали, научились обманывать, стали непослушными, драчливыми, завистливыми, больными и немощными. И по каждому правилу он рассказывает небольшую историю.

Трактирщик. Что ты такое говоришь! Книгу надо бросить в огонь!

¹⁰ Лейпциг, издательство Siegismund & Volkening. В 1869 году Рихтер подготовил в том же издательстве для серии «Педагогическая библиотека» столь же тщательно выверенное издание «Книжки для муравьев» с вариантами текста в разных изданиях наряду с примечаниями.

Письмоносец. Только не так поспешно, дорогой крестный! Пусть он сперва прочтет, а потом мы друг с другом поговорим. Я хочу ему раскрыть кое-что, как я это понимаю. Пусть послушает!

После того как была приведена история о том, как можно научить детей видеть призраков, которую можно прочесть в «Книжке для раков», разговор продолжается.

Трактирищик. Ага, теперь я кое-что понимаю! Не правда ли, человек, который написал эту книгу, хочет, так сказать, ткнуть людей носом и показать им, что, если их дети больные или невоспитанные, то они виноваты сами?

Письмоносец. Совершенно верно! Таково, собственно, его мнение. Иной раз ради забавы давал я почитать книгу другим людям. Потом многие пожимали мне руку и благодарили.

Трактирищик. Но почему она называется «Книжка для раков»?

Письмоносец. Из-за того, что в ней изображен один старый рак со своими детьми.

Трактирищик. Но при чем тут раки?

Письмоносец. Вот это я и хочу ему сказать: один старый рак говорил своим детям, что они не должны пятиться задом – но сам пятился задом.

Трактирищик. Так, теперь мне понятно...

Появившись на свет в 1806 году, «Книжка для муравьев» пережила больше пятидесяти изданий в разных издательствах, по большей части в виде отдельной публикации, иногда также в собраниях классических трудов по педагогике. Уже в год первого издания появилось голландское издание (1806), годом позже – датское (1807), затем последовали венгерское (1889), чешское (1878), румынское (1894), болгарское (1895), шведское (1897), итальянское (1902), португальское (1904), а между 1906 и 1934 годом – несколько японских изданий. Примечательно, что и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» на английском, французском или испанском языке не издавались, при том что можно найти французское и многочисленные английские и американские издания «Книги об элементах морали».

«Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» входили не только в сборники работ педагогов-классиков – в XX веке обе работы иногда выходили вместе в одном томе (Verlag Volk & Wissen, Reclam). Такое объединенное издание главных педагогических трудов Зальцманна имеет смысл, ибо и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» адресованы в первую очередь воспитателям – а в конечном счете всем тем, кто в силу своей профессии постоянно имеет дело с людьми!

Этого мнения, очевидно, придерживался и сам Зальцманн, ибо в одном из своих последних трудов, в рассказе «Судья Паппель» (опубликован в «Посланиях из Тюрингии», 1812), он вкладывает в уста проповедника, беседующего с судьей, слова: «Тут я хочу дать вам с собой еще “Книжку для раков” и “Книжку для муравьев” Зальцманна, в которых эти материи изложены пространнее». А в одной из сносок Зальцманн извиняется перед читателем: «Простите автору, что он рекомендует свои собственные сочинения. Это происходит лишь потому, что какие-либо другие работы, где так наглядно была бы показана истинная причина человеческой порчи, ему неизвестны».

В обзоре сочинений Зальцманна, напечатанном в приложении, была предпринята попытка упорядочить по группам отчасти весьма различающиеся публикации. Первую группу образуют сочинения по педагогике, адресованные в первую очередь родителям и учителям. В этой группе «Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» являются самыми популярными произведениями, поэтому они публикуются вместе и составляют первый том педагогических сочинений Зальцманна.

Детальные рассуждения Зальцманна на тему воспитания («Еще кое-что о воспитании вместе с уведомлением о создании учебно-воспитательного заведения», 1784) наряду с описанием существующих («Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале», 1808) образуют ядро второго тома педагогических сочинений, дополненного монографией «О самых действен-

ных средствах привить детям религию» (1780). Третьим томом серии должно стать переиздание монографии «О тайных грехах юности», труда, в котором Зальцманн дает родителям ценное разъяснение пороков, которые и сегодня еще, по-видимому, присущи многим молодым людям.

Наряду со своими сочинениями педагогического содержания Зальцманн пытался распространять в народе знания об улучшении человеческих отношений, также в форме романов и рассказов. При этом его принцип сколь прост, столь и эффективен: Зальцманн либо непосредственно преподносит свои знания и опыт в диалогах соответствующих персонажей, либо же главный герой размышляет о своей судьбе, своих прошлых и задуманных поступках, основываясь на этике, которая содействует, должна содействовать хорошему в людях! При этом читатель, разумеется, вживается в действующего персонажа и получает возможность, идя за ним в огонь и в воду, вместе с ним переживать и следить за шагами его развития. Тем самым Зальцманн дает читателю простые, но прочные рамки духовной «небесной механики» требований обыденной жизни, которая ни в чем не уступает кеплеровской небесной механике космических тел, более того, даже ее превосходит, поскольку работает лучше, чем любая механика. События, в которые Зальцманн побуждает читателя включиться в своих рассказах, начинаются на самом простом уровне, где причина и следствие рассматриваются и прослеживаются исключительно в естественнонаучном биологическом ракурсе. В ходе событий опыт персонажей романа накапливается, приобретает все более высокое качество, пока, наконец, читателю не становится очевидным управляющее судьбами влияние Творца – реальная сила, в чьей преисполненной любви действительности Зальцманн сам десятилетиями снова и снова мог переживать связь с Небесным Отцом.

Примечания Зальцманна снабжены звездочкой, все более поздние примечания, которые отчасти были заимствованы из более старого издания Боссе и Мейера, обозначены цифрами.

Сент-Гоар, июнь 2007 года
М. Дрегер

КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ

или Наставление по неразумному воспитанию детей

Krebsbüchlein,
oder
Anweisung
zu
einer unvernünftigen
Erziehung der Kinder,
von
Chr. Gottf. Salzmann.

Vierte, rechtmäßige, ungewürfelte, vermehrte
und durchaus verbesserte Auflage.

Faciam, ni papule. si te idem
facientem prius videro.

Erfurt, 1807.
Bey Georg Adam Keyser.

Предисловие

Помнится, я где-то прочел, что некое общество Кристиан-европейцев, поселившихся в одном бенгальском городе ради торговли, в один радостный день тревоугодничали под звуки труб и литавр, пили, шутили, смеялись и веселились, в то время как темнокожие граждане изнывали от дороговизны и голода, перетаскивали трупы в узкие улочки и сваливали их в кучи, частью у порога дома терпимости, хрипели и умирали, и ни на кого в веселой компании это печальное зрелище не произвело ни малейшего впечатления. В связи с этим был поставлен вопрос: как так получается, что у европейца, едва вступившего на горячую землю Ост-Индии, настолько сильно меняется его сущность и вместо сострадания к ближним, которое он принес со своей родины, появляется варварская бесчувственность?

Причину этого найти нетрудно. Почва и климат здесь ни при чем. Скорее предрассудок, эта плодородная мать многих бед, порождает и эту бесчувственность. Если уж при царящем у нации предрассудке некий класс людей обречен на порабощение и лишен человеческих привилегий, то тогда сердце каждого обывателя за короткое время настолько черствеет, что он может смотреть на стенания, слезы и конвульсии этого типа людей, не переживая при этом больше, чем при виде судорог убитого быка. В странах, которые мы посещаем лишь с целью пополнить свои богатства, у местных жителей из-за позорящего человечество предрассудка отняли человеческие права, а за европейцами признали безграничное право надругаться над ними. Этот предрассудок вдыхает европеец, едва ступив ногой с корабля на берег, и вскоре ощущает его воздействие в своем сердце.

Мне было бы легко привести несколько примеров – из всевозможных столетий и климатических областей – подобной бесчувственности к страданиям определенных людей. Но зачем идти так далеко, если подобный пример мы можем найти совсем рядом? Мы живем в умеренном климате, и многие из нас с некоторых пор стали настолько сентиментальными, что жалеют блоху, срок жизни которой им приходится сократить. Тем не менее и у нас предрассудок обрек определенную категорию людей на полное порабощение и признал за их повелителями неограниченное право обращаться с ними как им заблагорассудится. Подобно тому как первым Христианам приходилось искупать вину за все беды, которые случались в Римской империи, так и этим обычно приходится расплачиваться за все неприятности, которые возникают в домах их господ, при том что они за них не ответственны. Их часто выставляют на поругание в обществах, а им не позволено жаловаться на это; их стегают розгами, даже если ничего дурного они не сделали; их часто до смерти истязают долгими пытками, а большинство их сентиментальных сограждан слышат их крик, видят, как их истязают, но ничего несправедливого в этом не усматривают.

Эти стонущие от гнета люди – дети, а их угнетатели – родители. Жестокое обращение, которое они вынуждены терпеть в большинстве домов, столь вопиюще, что должно вызывать жалость; и тем не менее большинство наших современников уже настолько привыкли к подобным зрелищам, что могут смотреть, как истязают невиннейшего ребенка, и слышать его крики отчаяния, следовать за гробом другого ребенка, казненного предрассудком отца или матери, не задумываясь при этом о несправедливости.

В первые годы жизни многие дети по вине родителей лишаются здоровья – их тело и его члены больны, потому что либо уже при зачатии получили яд, который родители внесли в их кровь из-за своего распутства, либо те разрушают их здоровье предрассудками и беспечностью. Поэтому, как мне кажется, без преувеличения можно утверждать, что ни в одном диком разбойничьем притоне не шатается так много изувеченных рабов, сколько бродит по обычному городу хилых и дряхлых людей, которых родители винят за то, что они собой представляют.

В большинстве семей средства сохранения здоровья детей настолько извращены, столь явно вредят их здоровью и жизни, что я не переборщу, заявив, что большинство детей, которых год за годом хоронят, убил предрассудок родителей.

Наказания, которые чуть ли не каждый день вынуждены терпеть эти маленькие, беззащитные и безоружные люди, по большей части несправедливы. Хотя мало кого можно назвать чудовищем, в ярости кровожадно избивающим и калечащим своих детей, тем не менее совсем мало кто из детей заслужил наказание, которое они вынуждены терпеть, то есть они страдают от несправедливости, и каждый удар розгами, который нужно выдержать, не заслужив его, – несправедливость.

Вот сидит мать, в кругу своих подруг, и публично жалуется на своих маленьких детей, самыми черными красками изображает их своенравие, упрямство, злобу, леность, неаккуратность; вот стоит отец перед своим восьмилетним сыном и устраивает ему головомойку, представляющую собой переплетение самых горьких упреков и грубейших оскорблений; другой бьет кнутом своих детей за всяческие проявления невоспитанности, которые он у них заметил. Но, друзья, если вы сами привили детям пороки и дурные привычки, которые у них замечаете, разве справедливо обращаться с ними поэтому с такой злобой? Если вы сперва привили своим детям некие недостатки, а потом наказываете за то, что они так хорошо их усвоили, разве это не жестоко?

И это не вызывает сомнений. Причину всех ошибок, дурных привычек и пороков детей по большей части надо искать у отца или матери или одновременно у них обоих. Звучит резко, и все-таки это так¹¹.

¹¹ Эта центральная мысль высказывалась Зальцманном в самых разных местах его сочинений. См. также опубликованную

Человек всегда зачинает детей, которые на него похожи. Мозг, кровь и плоть ребенка произошли от его родителей. Если же родители с изъязном – в теле или в душе или одновременно в том и другом, – больны, то все эти болезни непременно передадутся плодам их тела. Сильнейшая тяга к известным порокам, безудержная злость, своенравие, упрямство, беспорядочная похотливость, чрезмерная чувственность, дурное настроение, даже глупость, из чего большинство детей приносят с собой с пеленок то или другое, – очевидно, приданое отца или матери.

Далее, тот, кто видел семьи, где детям по большей части не дают хорошего воспитания, тот мог заметить, что недостатки детей с годами множатся и разрастаются. Как невинно улыбается двухлетний маленький Карл и как лукаво глядит десятилетний Леопольд! Это замечание сплошь и рядом принимали как нечто совершенно естественное, и поэтому во многих домах возраст, когда обычно пробуждается разум ребенка, то есть когда становятся заметнее его проявления, называют переходным [Flegeljahre, буквально – годы хамства] (простите мне это выражение!). И, стало быть, должны быть, пожалуй, еще и причины, из-за которых после рождения недостатки ребенка множатся и разрастаются. И по большей части их нужно искать в родителях.

Во-первых, в их примере. Ребенок, еще не владеющий своим разумом, не может поступать иначе, как подражать тому, что видит у других и от других слышит. Если бы решили потребовать от него противоположного, то мне это представлялось бы таким же бессмысленным, как если бы добропорядочный немец, никогда не говоривший на иностранном языке, потребовал от своего сына, растущего рядом с ним, разговаривать не по-немецки, а по-французски; а если бы он этого не смог, то стал бы ему за это выговаривать и сказал: «Ты – неумеха! Только посмотри, как другие дети хорошо говорят по-французски, а ты – ничего из тебя не получится!» Рассмотрим теперь пример, который многие родители подают своим малышам! Они бранятся и требуют от своих детей миролюбия; они часто приходят домой пьяные, а от них требуют воздержания; они рассказывают о грехах своей юности и негодуют, если дети тоже их совершают; они жалуются на работу, расхваливают бездельников и ропщут, когда дети выказывают нерасположение к работе; они позволяют себе все излишества и наказывают за них своих детей. Родители, которые подают такой пример, наверное, не смогут отрицать, что они – самые главные наставники, у которых дети научились своим порокам.

Во-вторых, в недостатке надзора. Они часто сетуют, что дали своим детям наилучшее воспитание, а никакого толку от него не видят. Но если посмотреть на это воспитание вблизи, то оно окажется не более чем обучением, которое каждый день по нескольку часов они им дают либо сами, либо через других. В остальном они предоставляют малышей самим себе, дают им общаться с самыми невоспитанными детьми, передают их прислуге, либо очень усердно занимаются своими делами, либо посещают многочисленные компании, столь активно участвуют во всякого рода увеселениях, что их дети большую часть своей юности совсем без надзора проводят среди людей испорченных нравов. Если девушка становится такой же бесцеремонной, как служанка, если мальчик перенимает у уличных мальчишек низменный образ мыслей, то кто тому виной? Конечно же, не ребенок, а те, кто оставил его такой компании.

В-третьих, в ошибках воспитания. Они столь многочисленны, что можно было бы написать толстую книгу, если попытаться привести хотя бы далеко не полный их перечень. Что, к примеру, привычнее, чем не замечать множество дурных привычек, пока у тебя хорошее настроение, и, наоборот, наказывать за малейшее упущение, когда, скажем, убежало молоко, пришло письменное напоминание об уплате долга или случилось еще что-то неприятное, в чем дети совсем неповинны! Что детей бьют, если они уронили стакан, а дурные поступки оставляют безнаказанными! Что за самый незначительный промах наказывают, если дети в

нем признаются, но никогда не карают, если они его отрицают; что родители никогда ничего не делают по своей воле, если дети их просят, но стараются успокоить их самыми ласковыми словами, когда те топают ногами и буйствуют! Что от шестилетней девочки требуют, чтобы она вела себя столь же рассудительно и была не по годам умной, такой, как двадцатичетырехлетняя мать или тридцатилетний отец! Воспитывать так детей – все равно что тушить огонь маслом и пытаться утопить в воде рака.

Разве я не прав, когда утверждаю, что общество своими предрассудками обрекло детей на угнетение, а их хозяева жестоко обращаются с ними, и при этом их печальная участь никого настолько не трогает, чтобы попытаться им предоставить права?

Печальные последствия, из этого вытекающие для общества, нельзя подсчитать. Печально уже то, что страдают многие тысячи ни в чем не повинных людей, вынужденных проводить лучшие дни своей жизни удрученными; что очень многих, кого когда-нибудь могли бы считать наиболее полезными членами государства, лишенных сил из-за невежества их родителей, искалеченных, делают неспособными к любому делу, требующему энергии, или вовсе казнят. И если правда, как с давних пор утверждала самая разумная часть людей, что истинное удовлетворение дает людям лишь добродетель, а обладание миром неспособно даровать им такого блаженства, какое проистекает из нее, то не будет ли у каждого, кто любит людей, обливаться кровью сердце при виде того, как огромную часть потомков лишают этого блага и учат пороку? Если молодой человек, для которого пока еще нет лучшего, более разумного друга, чем его родители, воспринимает их слова так, словно они прозвучали с небес, с надеждой доверяется их руководству, но в них находит предателей, направляющих его на опасные ошибочные пути, с которых он либо вообще не сойдет, либо сойдет слишком поздно – с ослабленным телом, нечистой совестью и глазами, полными слез?

Но это еще не всё. Душевное состояние родителей теряет при этом столько же, сколько и душевное состояние детей.

Удовольствие видеть себя преумноженным в хороших детях настолько чарующе, что его ощущает даже животное. Даже у курицы, похоже, есть свой праздничный день, когда она может в первый раз вывести своих птенцов. Даже овца скачет от радости, когда в сопровождении своего ягненка идет на пастбище. Для человека же, способного в любой вещи замечать еще больше прекрасного, это удовольствие еще гораздо чарующе. Мысль о том, что дети являются частицами нас, что при некотором количестве благонравных детей мы никогда не состаримся, потому что у наших детей растут силы и они становятся нашей опорой, когда наши собственные силы убывают, что наше имя, наш образ, наши мысли все же останутся в мире, когда нам придется его покинуть, что плоды сорока – пятидесяти лет усердия не пропадут даром, – это одна из самых сладких мыслей, которая способна возникнуть в душе человека. Хорошие дети – истинное богатство. Кто умеет с ними ладить, тот растит себе некое количество слуг, с радостью следующих его указанию. Он может несравненно больше трудиться, сделать, приобрести, чем другой, бездетный. Это хорошо понимали древние, чьи нравы были простодушнее, но невиннее, чем наши; они исчисляли богатство по числу своих детей и полагали: юные мальчики – как стрелы в руке сильного воина; счастлив тот, чей колчан полон ими! Они не подведут, когда у ворот ведешь переговоры со своими врагами. – Многие дочери приносят богатство¹². – Хорошая комната, полная хорошими детьми, постоянно преподносит родителям самые приятные сцены. Никакие театральные подмостки не способны принести в душу такую чистую, здоровую и придающую силы радость, как занятия и игры маленьких потомков; ни один канатоходец-эквилибрист не может нас так развеселить, как пошатывание ребенка, отважившегося сделать свои первые шаги; поистине ни один концерт не сладок отцовским и материнским ушам так, как его лепетание; соло с пятью матадорами не может тронуть сердце так,

¹² Пс 124, 4, 5 и Притч 31, 29.

как добрый поступок ребенка, и ни одна парижская шляпка не имеет такого очарования, как кусок сукна, для которого маленькая Лотта сама спряла нити и который теперь преподносит матери, или рисунок, сделанный маленьким Вильгельмом.

Но эти радости, эти сладкие и все же общедоступные радости, которыми может наслаждаться даже батрак, которые могли бы развеселить нас при всех тяготах жизни, для большинства родителей более не существуют. Невосполнимая потеря!

Как редко встречаются родители, которые знали бы цену своим детям, считали бы их богатством! Первого и второго они принимают с радостью, при появлении третьего их лица уже выражают досаду, а крестьянин, ставший отцом уже троих детей, чуть ли не всякий раз больше радуется увеличению численности своих стад, чем родам жены. Так уж устроен человек! Как редко встречаются родители, которые испытывали бы сладкую радость, способную вселить в душу гнездышко славных детей! Большинство рады, если могут вырваться от своих детей, для них нет часа радостнее, чем тот, что они проводят вдали от них; они ищут последний геллер, нередко закладывают одежду, домашние вещи и участки земли, чтобы доставить себе час удовольствия за пределами своего дома; считают потерянным каждый день, который им приходится проводить со своими детьми, и сетуют, что из-за детей их жизнь стала безрадостной. Как убоги и жалки эти люди! Они сидят на чистом источнике, который бьет из-под земли рядом с ними и своим нежным журчанием приглашает их испить воды, и жалуется на жажду.

Чуть ли не все эти угрюмость и безрадостность, которые замечаешь у большинства родителей, происходят из неправильного обращения со своими детьми. Они учат их непослушанию, упрямству, своенравию, лени, неаккуратности и лживости. Дети с такими пороками и впрямь отнюдь не богатство. Отец столь одичавшей семьи – скорее несчастный, достойный сожаления человек. Для него каждый ребенок – командующий, который каждый день требует продовольствия, развлечений, одежды и обслуживания, не прикладывая ни малейших усилий для того, чтобы в целом семье жилось лучше. Поэтому бедный отец должен, выбиваясь из сил, трудиться и тянуть лямку, чтобы всегда быть способным уплачивать контрибуции, требуемые от него детьми. Единственное, что еще остается в его власти, – это позволять себе подчас устраивать головомойку и побоями проявлять свое недовольство. Люди лишают своих детей сил и делают их больными, им прививают множество самых отвратительных и неприятных пороков; и поэтому, конечно, нет ничего удивительного в том, если родителям крайне неприятно находиться с ними, если родители, вынужденные проводить свои дни в комнате, где один ребенок хнычет, другой своим бледным лицом вызывает жалость, третий бранится, четвертый галдит, тоскуют по месту, где можно свободно вздохнуть и за кружкой пива или вина либо в веселой компании забыть про детей и про свои страдания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.